

СТАТЬИ

РАБОЧИЕ ПАРИЖА В ДНИ КОММУНЫ

А. Молок

Восемьдесят лет тому назад, в марте 1871 г., рабочие Парижа свергли власть буржуазии и впервые в истории создали правительство рабочего класса — Коммуну. Всего 72 дня продержалась Парижская Коммуна; ещё менее продолжительным оказалось в 1871 г. существование коммун в Марселе, Лионе и некоторых других провинциальных городах Франции.

И тем не менее историческое значение Коммуны огромно. К. Маркс, отмечая то новое, что отличало революцию 1871 г. от всех предшествующих ей революций, подчёркивал, что Коммуна была первым в истории «правительством рабочего класса»¹. Ф. Энгельс характеризовал Коммуну как диктатуру пролетариата². В. И. Ленин писал, что Парижская Коммуна есть «величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века»³, что она была государством нового типа и представляла собой «зачаток Советской власти»⁴. И. В. Сталин в статье «Международный характер Октябрьской революции», отмечая односторонность и ограниченность революций прошлого, заканчивавшихся лишь сменой одной формы эксплуатации другой, ставил на особое место Парижскую Коммуну. Историческое своеобразие Коммуны, указывал И. В. Сталин, заключается в том, что она была «первой, славной, героической, но всё же безуспешной попыткой пролетариата повернуть историю против капитализма»⁵. В работе «Анархизм или социализм?» И. В. Сталин, опровергая клеветнические выпады врагов марксизма против идеи диктатуры пролетариата, их клеветнические утверждения, будто марксисты стремятся не к диктатуре пролетариата над буржуазией, а к диктатуре нескольких лиц над пролетариатом, ссылаясь, между прочим, на опыт Парижской Коммуны и подчёркивал, что Коммуна была революционной властью пролетариата, опиравшегося на широкие массы трудящихся, на вооружённый народ⁶.

Революция 18 марта 1871 г., приведшая к провозглашению Коммуны, явилась результатом мощного подъёма политической активности трудящихся масс, вооружившихся в условиях, когда Париж был осаждён немецкими войсками. Восставшие рабочие французской столицы поднялись на борьбу за национальное возрождение Франции и социальное освобождение её трудящихся масс от капиталистов, которые довели страну до поражения и унижения. Впервые в истории рабочие взяли в свои руки государственную власть, создали своё собственное правительство. Важно отметить и то, что в своей деятельности по слому буржуазной государственной машины и созданию государства нового типа, в своей социально-экономической политике, в своей вооружённой борьбе против версальской контрреволюции правительство Коммуны опиралось на массовые револю-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, ч. II, стр. 316.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. II, стр. 94.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 438. 4-е изд.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 413.

⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 10, стр. 239.

⁶ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 370.

ционные организации парижского пролетариата — политические клубы, профессиональные союзы, секции Интернационала, комитеты бдительности, легионные советы, женские революционные организации. Говоря словами Ленина, Коммуна творила «гениальным чутьём проснувшихся масс»⁷.

Однако по ряду причин — отчасти по недостатку документальных данных⁸ — эта сторона истории революции 1871 г. до сих пор исследована гораздо меньше, чем правительственная деятельность Коммуны. Недостаточно исследован до сих пор и такой ценный материал, как письма трудящихся Парижа, поступавшие в различные органы Коммуны и в редакции революционных газет. Эти письма также свидетельствуют о большой политической активности и о пламенном революционном патриотизме рабочих Парижа.

Все эти материалы, а также факты и документы, рисующие героическую храбрость коммунаров на фронте, на баррикадах, их стойкое поведение на суде, в ссылке, перед казнью, позволяют историку воссоздать мужественный облик парижских революционных пролетариев 1871 г. — людей, которые, по образному выражению Маркса, готовы были «штурмовать небо»⁹.

Цель данной статьи — на конкретных примерах показать, какую роль играли в жизни Коммуны массовые революционные организации, к чему стремились и как боролись революционные рабочие Парижа, 80 лет назад восставшие против эксплуатации и угнетения.

Одной из важнейших форм массовых организаций Парижа во время Коммуны являлись политические клубы. Большинство их носило ярко выраженный пролетарский характер.

Вопросы и темы, обсуждавшиеся в революционных клубах 1871 г., были чрезвычайно разнообразны. «Парижская Коммуна, её роль, права и обязанности» — такова была повестка дня заседания клуба в зале Мольера 30 марта; в тот же день в клубе, заседавшем в зале Марсельезы, обсуждался вопрос: «Средства к постановке и разрешению социальных проблем». «Капитал и труд, практические меры к организации» — тема, обсуждавшаяся в тот же вечер на публичном собрании в зале улицы Арраса¹⁰.

Чем острее становилась обстановка на фронте гражданской войны, тем всё больше выдвигались в клубах на первый план вопросы вооружённой борьбы с версальской контрреволюцией и беспощадной расправы с её пособниками в Париже. Характерно, что первым вопросом первого заседания возникшего в начале апреля «Клуба борьбы за права человека и гражданина» была национальная оборона. «Цель Общества борьбы за права человека и гражданина, — заявлял его «Временный комитет», — состоит в том, чтобы всеми силами помогать защите нашей независимости и, если это потребуется, пожертвовать собою для укрепления истинной республики»¹¹.

Эти слова говорят сами за себя.

«Победить или умереть!» — таков был девиз Коммунального клуба III округа, заседавшего в церкви св. Николая на Полях. Это был самый крупный из революционных клубов 1871 г.; он издавал даже собствен-

⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 109.

⁸ Незданные документы Центрального комитета Национальной гвардии, её легионных советов и батальонных комитетов, комитетов бдительности и окружных мэрий, хранящиеся в Париже, в Историческом архиве военного министерства, до сих пор почти не доступны для исследователей.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 106.

¹⁰ «La Commune» от 30 марта 1871 года.

¹¹ «Municipalités politiques françaises». Т. II, p. 168.

ную газету под названием «Коммунальный бюллетень», первый номер которого вышел 6 мая. Во главе клуба стоял комитет из шести человек под председательством Бернара; секретарём комитета и одновременно секретарём редакции его газеты был Пейзан. Судя по многим данным, оба принадлежали к группе бланкистов.

Под рубрикой «Декреты народа» газета «Коммунальный бюллетень» печатала резолюции, принятые на заседаниях Коммунального клуба. Устав клуба предусматривал, что ежедневно в 2 часа дня делегаты клуба будут отправляться в ратушу для передачи членам Коммуны резолюций, принятых на очередном собрании. Мы не знаем, выполнялось ли это решение. Но связь между Коммунальным клубом и правительством Коммуны была весьма крепкой. Члены Коммуны — рабочие Амуру и Жоаннар, журналист Везинье — присутствовали и выступали на собраниях этого клуба.

Клуб поддерживал тесную связь с батальонами Национальной гвардии своего округа, собирал для них пожертвования, следил за тем, чтобы бойцы на фронте были обеспечены достаточным питанием.

Чтобы расширить связи членов Коммуны с народными массами, Коммунальный клуб потребовал (на собрании 30 апреля), «чтобы Парижская Коммуна, по примеру Коммуны 93 года, уделяла два часа в день петициям» и чтобы были организованы «общинные собрания», на которых избиратели могли бы потребовать отчёт у своих депутатов. Первое из этих предложений осталось неосуществлённым, второе выполнялось.

Ярким показателем того, как велико было в этот момент политическое влияние Коммунального клуба, служит тот факт, что именно по предложению этого клуба, принятому 1 мая на собрании, на котором присутствовало 5 тыс. человек, Коммуна постановила опубликовать в «Официальной газете» результаты поимённого голосования, состоявшегося на её заседании 30 апреля по вопросу о создании Комитета общественного спасения, наделённого чрезвычайными полномочиями¹².

Принимая подобную резолюцию, члены клуба руководствовались желанием узнать, кто из членов Коммуны понимает необходимость решительных мер и кто этого не понимает. На том же собрании клуба было единогласно принято решение поздравить Коммуны с принятием столь важной меры, как учреждение Комитета общественного спасения, и призвать Коммуны «энергично и решительно идти по революционному пути, который один лишь может спасти её и обеспечить окончательное торжество республики»¹³.

Особенно активной становится жизнь клубов с конца апреля и начала мая. В начале и середине мая возникает ряд новых клубов. Среди них особым влиянием пользовался Клуб социальной революции, заседавший в церкви Сен-Мишель, в XVII округе (Батиньоль), являвшемся одной из главных твердынь пролетарского Парижа¹⁴.

Руководящую роль в этом клубе играли видные члены парижской организации I Интернационала Файе и Комбо, принадлежавшие к группе «левых прудонистов» и стоявшие во главе управления прямых налогов. Часто выступал здесь с речами и председатель местной секции Интернационала Легалите. Бывали в этом клубе и некоторые члены Коммуны, в особенности рабочий Шален, член комиссии общей безопасности, примыкавший к бланкистам. Председателем Клуба пролетариев, открывшегося 14 мая в церкви Сент-Маргерит, был член Коммуны Филипп Фенулья. В клубе Сент-Эсташ выступали члены Коммуны рабочие Шампи и Шардон, учитель Вердюр и некоторые другие. Все они примыкали к бланкистско-якобинскому «большинству» Коммуны. В клубе Сен-Пьер

¹² Результаты голосования были опубликованы в «Journal Officiel» от 4 мая 1871 года.

¹³ «Procès-Verbaux de la Commune de 1871». Т. II, p. 89—90. Paris. 1945.

¹⁴ «Journal Officiel» от 5 мая 1871 года.

выступал член Коммуны художник Билльоре, также принадлежавший к фракции «большинства»; в клубе Сен-Поль выступал член Коммуны журналист Артур Арну, примыкавший к фракции «меньшинства», которая состояла из прудонистов. Однако в большинстве случаев прудонисты, как носители мелкобуржуазных взглядов, далеко отстоявшие от рабочей массы, были мало связаны с клубами. Ведущую роль в них играли бланкисты, более тесно связанные с передовыми слоями рабочего класса и революционной интеллигенции.

10 мая открылись заседания Клуба революции, происходившие в церкви Сен-Бернар, на территории XVIII округа (Монмартр), одного из основных рабочих кварталов Парижа. В этом клубе нередко выступал видный член Коммуны бланкист Ферре, по профессии счетовод. На заседании 10 мая, на котором присутствовало 3 тыс. человек, было принято решение потребовать от Коммуны проведения ряда решительных мер, в том числе: отмены существующих кодексов и пересмотра действующих законов, запрещения религиозных культов, ареста священников (как «сообщников монархистов и виновников гражданской войны»), продажи имущества, принадлежащего духовенству, а также имущества предателей, казни «одного из важных заложников» через каждые 24 часа, впредь до освобождения и возвращения в Париж арестованного в провинции Бланки.

Большую роль играл Клуб, организованный в церкви Сен-Северен, на территории V округа. Первое заседание этого Клуба происходило 13 мая. Собралось 2 тыс. человек. В принятой на заседании резолюции члены клуба потребовали от Коммуны проведения таких мер, как закрытие всех мастерских, кроме работающих на оборону, ареста всех женщин, причастных к старой полиции, облавы на дезертиров одновременно во всех округах и отправки задержанных на фронт¹⁵. Осуществление этих мер, несомненно, усилило бы обороноспособность революционного Парижа.

Яркой фигурой был председатель Клуба Сен-Северен бланкист Троель, активный участник революционных восстаний в период осады Парижа немецкими войсками, делегат Центрального комитета 20 округов, выступавший иногда в Клубе церкви Сент-Эташ. В сохранившемся письме Троеля к Раулю Риго, бывшему в тот момент прокурором Коммуны, Троель жаловался на нерешительность Коммуны и заявлял, что, будь он членом Коммуны, он добился бы того, чтобы «покончить с буржуазией одним ударом». Для этого надо, писал Троель, «овладеть Французским банком», расстрелять всех, кто не пойдёт на фронт, передать 200 млн. фр. в кассу Интернационала, «обеспечить семьи раненых и убитых коммунаров, вернуть все заложенные в ломбарде вещи, установить высокие ставки волонтерам»¹⁶.

Письмо председателя Клуба Сен-Северен свидетельствует о том, какое сильное недовольство вызывала среди передовых слоёв парижского пролетариата та глубоко ошибочная политика, которую под влиянием группы прудонистов, членов комиссии финансов, проводила Коммуна в отношении Французского банка, оставляя его огромные богатства в руках старого правления, связанного с правительством Тьера.

Зато Коммуна выполнила, хотя и в последние дни, требование, выдвинутое Клубом церкви Сен-Жермен л'Оксерруа, — ввести для всех жителей Парижа обязательные удостоверения личности¹⁷. Изданный по этому поводу декрет мотивировался тем, что версальцы стараются наводнить Париж «тайными агентами, подстрекающими к измене»¹⁸.

¹⁵ «Paris libre» от 16 мая 1871 года.

¹⁶ Fontoulieu. Les églises de Paris sous la Commune, p. 287. Paris. 1873.

¹⁷ См. П. Керженцев. История Парижской Коммуны 1871 года, стр. 430. М. 1940.

¹⁸ «Journal Officiel» от 15 мая 1871 года.

В начале мая возникла идея объединения клубов и была создана «Федерация клубов», во главе которой стал комитет из представителей всех присоединившихся организаций. 7 мая Комитет федерации клубов опубликовал воззвание, в котором писал: «Мы обращаемся с призывом ко всем общественным организациям, которые примыкают к Коммуне: Комитет состоит из трёх делегатов от каждого клуба или собрания. В его задачи входит: 1) защищать республику и поддерживать принципы Коммуны; 2) ставить на обсуждение в каждом клубе предложения, сделанные одним или несколькими из них, и направлять в Коммуну те, которые будут приняты во внимание Комитетом федерации; 3) поддерживать непрерывную связь с Коммуной, дабы она могла раз в день сообщать нам сводку военных действий, которая затем передавалась бы соответствующим клубам через их представителей; таким путём были бы избегнуты последствия, часто очень плачевные, от небылиц, разглашаемых газетами»¹⁹.

Проект «Федерации клубов» не был осуществлён.

Некоторые представители революционной общественности Парижа и некоторые члены самой Коммуны справедливо считали, что Коммуна недостаточно опирается на массовые организации. Так, на собрании 20 мая в Лирическом театре, где члены Коммуны от IV округа отчитывались перед своими избирателями, которые критиковали их за нерешительность и призывали к единству, Амуру заявил, что, по его мнению, Коммуна «недостаточно связана с клубами». Оратор напомнил, что Робеспьер и Сен-Жюст, прежде чем выступить в Конвенте, всегда обращались за поддержкой и советом к Якобинскому клубу или к Клубу кордельеров. Именно в этом, добавил Амуру, состояла сила этих революционеров, подобно тому, как сила Марата состояла в том, что он выражал в своих статьях мнение трудового народа²⁰.

Подводя итоги, следует сказать, что революционные клубы 1871 г. являлись важной формой объединения передовых слоёв трудящихся, важным средством организации их политической активности, важным связующим звеном между Коммуной и массами. В клубах разъяснялись, обсуждались и критиковались мероприятия Коммуны, вносились различные предложения, направленные на укрепление революционной власти и повышение обороноспособности Парижа. Однако отсутствие у парижского пролетариата 1871 г. единой революционной партии препятствовало превращению клубов в могучую опору правительства Коммуны.

Видное место среди массовых революционных организаций, действовавших в Париже в дни Коммуны, занимали женские клубы и женские комитеты.

Даже самые передовые клубы 1871 г. под влиянием не изжитых ещё мелкобуржуазных предрассудков допускали женщин на свои собрания не в качестве полноправных участников (например, устав Коммунального клуба Николая-на-Полях предусматривал, что женщины могут быть его членами, но не могут принимать участия в прениях). Вследствие этого передовые женщины революционного Парижа, не ограничиваясь участием в общих клубах, создавали собственные организации.

Среди женских клубов 1871 г. выделялись своей политической активностью Клуб в церкви Трините, Клуб гражданок Пасси и Клуб женщин-патриоток для защиты Парижа. Организации эти носили ярко выраженный пролетарский характер. «Гражданки,— говорила одна из женщин на собрании Клуба Трините 12 мая,— вы — работницы, и в качестве таковых вы угнетены. Но потерпите немного, день расплаты и справедливости быстро приближается. Он воссияет завтра. Завтра вы будете принадле-

¹⁹ «Le Vengeur» от 7 мая 1871 года.

²⁰ «Procès-Verbaux de la Commune de 1871». Т. II, p. 458—459.

жать самим себе, а не господам. Мастерские, в которые вас набили битком, будут принадлежать вам; орудия производства, которые вам дают в руки, будут принадлежать вам; прибыль, вытекающая из ваших усилий, ваших стараний и потери вашего здоровья, будет распределяться между вами. Пролетарии, вы возродитесь к новой жизни»²¹. «Долой хозяев, которые смотрят на рабочего лишь как на рабочую машину! — говорила на том же собрании другая женщина. — Пусть рабочие объединяются, пусть они трудятся сообща, и тогда они будут счастливы»²². Другая женщина жаловалась на нераспорядительность военного ведомства Коммуны, на то, что в походных госпиталях не хватает белья и матрацев, что бойцы на фронте «нуждаются в предметах первой необходимости, в то время как другие купаются в излишествах». Бурными аплодисментами было встречено выступление старушки, известной под кличкой «мать Дюшен». «Необходимо, — заявила она, — нагнать страху на реакционеров и на версальцев, показав им, что Коммуна умеет карать виновных»²³.

Острая ненависть к алчному и развращённому католическому духовенству, искони служившему оплотом политической и социальной реакции, с особенной силой звучала в речах, произносившихся в женских клубах.

Во главе женских клубов, женских окружных комитетов, женских комитетов бдительности стояли работницы и представительницы интеллигенции. Особенно большой активностью отличался Комитет бдительности гражданок-республиканок XVIII округа, работавший под председательством Пуарье. Среди членов комитета была русская писательница-революционерка Анна Васильевна Жаклар (урождённая Корвин-Круковская)²⁴, её муж — член «русской секции» I Интернационала Виктор Жаклар — был деятельным участником Коммуны²⁵. В своих заявлениях Комитет бдительности призывал женщин Монмартра записываться в передовые отряды, отправляемые на фронт, требовал исключения монахинь из персонала военных госпиталей, настаивал на принятии более энергичных мер по борьбе с проституцией, брал на себя заботу о поисках работы для безработных. Большую работу проводил и Комитет гражданок XVII округа, среди членов которого видную роль играла демократическая писательница Андре Лео, сотрудник газеты «Социальная революция», автор воззвания Коммуны «К труженикам деревни»²⁶.

Коммуна не оставалась глуха к требованиям женских революционных организаций. 10 мая газета «Пер Дюшен» с удовлетворением отмечала, что по распоряжению властей монахини заменены в госпиталях сиделками и санитарками из трудового народа, преданными делу революции²⁷.

Самой крупной из женских революционных организаций 1871 г. был Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым, устав которого был опубликован 20 апреля²⁸. Союз занимался регистрацией женщин, желающих работать в военных госпиталях, в походных кухнях, на строительстве баррикад. В округах были созданы окружные комитеты, а во главе их был поставлен Центральный комитет, который работал в тесном

²¹ Ph. Audebrand. Histoire intime de la révolution du 18 mars, p. 306. Paris. 1871.

²² Fontoulieu. Указ. соч., стр. 272.

²³ Там же, стр. 273—274.

²⁴ Ей посвящена монография И. С. Книжника «А. В. Корвин-Круковская-Жаклар — друг Ф. М. Достоевского, деятельница Парижской Коммуны». М. 1931; младшая сестра Анны Васильевны, Софья Васильевна (впоследствии — выдающийся математик С. В. Ковалевская), работала в дни Коммуны в одном из парижских госпиталей.

²⁵ «Le Cri du peuple» от 26, 28, 30 апреля, 7, 10 мая 1871 года.

²⁶ См. о ней мою статью «Публицист Парижской Коммуны Андре Лео». «Большевистская печать» № 7 за 1940 год.

²⁷ «Le père Duchêne» № 56 от 10 мая 1871 г., стр. 6.

²⁸ «La Sociale» от 20 апреля 1871 года.

контакте с Коммуной и её органами. Центральный комитет развил большую деятельность: за время с 11 апреля по 14 мая он провёл 24 публичных собрания, на которые приглашались «все гражданки, преданные делу народа»²⁹. На этих собраниях разъяснялась программа Коммуны и излагались задачи Союза.

6 мая в ответ на расклеенную за три дня до этого анонимную прокламацию «Группы гражданок», призывавшую к прекращению борьбы и соглашению с Версалем, Исполнительная комиссия Центрального комитета Союза женщин опубликовала манифест, в котором решительно протестовала против призывов к «примирению» между революционным Парижем и контрреволюционным Версалем. «Нет, не мира, а войны без пощады требуют работницы Парижа»,— твёрдо заявляли руководительницы Союза.

Авторы манифеста выражали глубокую уверенность, что женщины Парижа «сумеют в минуту крайней опасности... на баррикадах и укреплениях отдать свою кровь и жизнь за Коммуну и её торжество, т. е. за торжество народа». В заключение Центральный комитет заверял, что победа Коммуны над Версалем позволит рабочим и работницам «объединиться и столкнуться относительно своих общих интересов, чтобы последним усилием воли уничтожить навсегда всякий след эксплуатации и эксплуататоров». Заканчивался манифест призывами: «Да здравствует Всемирная социальная республика! Да здравствует труд, да здравствует Коммуна!»³⁰.

Под этим замечательным документом, так ярко выражавшим пролетарскую сущность революции 1871 г. и боевой дух трудящихся женщин Парижа в дни Коммуны, стояли пять подписей: работницы переплётного предприятия, видной деятельницы социалистического движения Натали Лемель, работницы Алины Жакье, прачки Бланш Лефевр, учительницы Лелу и русской революционерки Елизаветы Дмитриевой (псевдоним Елизаветы Лукиничны Тумановской), деятельницы Интернационала, поддерживавшей связь с Генеральным советом и лично известной Марксу³¹.

В письме к члену Генерального совета Г. Юнгу от 24 апреля 1871 г. Е. Дмитриева, рассказывая о деятельности Союза женщин и о своей работе в нём, писала: «Если Коммуна победит, то наша организация из политической превратится в социальную, и мы образуем секции Интернационала. Эта идея имеет успех; вообще пропаганда Интернационала, которую я веду, чтобы показать, что все страны, в том числе и Германия, находятся накануне социальной революции,— эта пропаганда очень нравится женщинам; в наших собраниях участвует уже около 3—4 тысяч женщин»³².

Эти слова дают яркое представление о массовом характере организации, в руководстве которой активно участвовала русская социалистка, и о популярности принципов пролетарского интернационализма среди передовых слёв парижского пролетариата в дни Коммуны.

Революция 18 марта и провозглашение Парижской Коммуны способствовали развитию рабочих профессиональных союзов и кооперативных организаций, которые усиливали свою деятельность и принимали активное участие в социально-экономической политике Коммуны. В дни Коммуны в Париже насчитывалось 34 профессиональных союза (синдиката), 43 производственных и 7 продовольственных кооперативов³³. Война и осада привели к свёртыванию многих организаций и со-

²⁹ «Le Cri du peuple» от 14 мая 1871 года.

³⁰ «Journal Officiel» от 8 мая 1871 года.

³¹ См. статью о ней И. С. Книжника «Героиня Парижской Коммуны Елизавета Дмитриева». «Летописи марксизма» № 7—8 за 1928 год.

³² «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. Документы и материалы», стр. 193. Огиз. Госполитиздат. ИМЭЛ. М. 1941.

³³ П. Керженцев. Указ. соч., стр. 416.

крашению их численного состава, и без того не особенно большого в тот период. После установления Коммуны происходит процесс возрождения и укрепления старых организаций и создания новых.

Одним из первых документов, опубликованных профсоюзными организациями Парижа после революции 18 марта, было воззвание «Синдикальной палаты рабочих-каменотёсов», приглашавшее всех рабочих этой специальности на общее собрание, которое должно было состояться 23 марта. Воззвание призывало рабочих сплотиться для борьбы с хозяевами³⁴.

На 2 апреля намечался созыв общего собрания членов Общества взаимного кредита рабочих кожевенной промышленности³⁵; 9 апреля должно было состояться общее собрание «Синдикальной палаты рабочих-седельщиков»³⁶. Подобными извещениями полны парижские газеты времён Коммуны.

Правительство Коммуны через посредство её Комиссии труда и обмена, возглавлявшейся видным деятелем Федерального совета парижских секций I Интернационала рабочим Лео Франкелем, поддерживало тесную связь с рабочими организациями Парижа, которые направляли в Коммуну свои проекты социальных преобразований.

Декрет от 20 апреля о запрещении ночного труда в пекарнях — один из важнейших декретов Коммуны. Лео Франкель на заседании 28 апреля даже заявил, что этот «единственный подлинно социалистический декрет из всех изданных Коммуной»³⁷ был издан, как говорилось в самом его тексте, «в ответ на справедливые требования всей корпорации рабочих-булочников»³⁸.

Рабочие-булочники, которые в течение двух лет добивались этой реформы, горячо одобрили решения Коммуны. 15 мая в помещении цирка состоялось торжественное заседание рабочих этой профессии, на котором присутствовало от 1500 до 2000 человек. Затем с музыкой и красными знамёнами, на которых были вышиты лозунги «Организация труда посредством ассоциации!», «1871, Социальная республика!», «Да здравствует дневной труд!», «Уничтожение эксплуатации человека человеком!», рабочие направились к зданию ратуши, чтобы поблагодарить Коммуну за принятые ею меры³⁹.

Важнейшим мероприятием Коммуны в области социально-экономической политики был, как известно, декрет от 16 апреля о передаче промышленных предприятий, брошенных бежавшими из Парижа хозяевами, в руки производственных ассоциаций рабочих.

Этот, по выражению Ленина, «знаменитый декрет»⁴⁰, в котором Коммуна делала первый, хотя ещё робкий, шаг по пути экспроприации капиталистов, поручал рабочим синдикальным палатам создать «анкетную комиссию» для проведения следующих подготовительных мер: «1) дать статистику брошенных мастерских, точное описание состояния, в котором они находятся, и опись имеющихся в них инструментов; 2) представить доклад с изложением практических мер, с помощью которых можно было бы немедленно пустить в ход эти мастерские, но уже не силами хозяев-дезертиров, а силами кооперативной ассоциации занятых в них рабочих; 3) выработать проект устава этих рабочих кооперативных ассоциаций; 4) учредить третейский суд, который в случае возвращения хозяев должен будет установить условия окончательной передачи мастерских рабочим

³⁴ «Murailles politiques françaises». Т. II, p. 25.

³⁵ «La Révolution politique et sociale» № 1 от 2 апреля 1871 года.

³⁶ Там же, № 2 от 9 апреля.

³⁷ «Procès-Verbaux de la Commune de 1871». Т. I, p. 543. Paris. 1924.

³⁸ «Journal Officiel» от 21 апреля 1871 года.

³⁹ См. J. Michelant. Un souvenir de la Commune. «Journal des économistes», 1871. Т. 23, p. 264 и сл.

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 114.

товариществам и размер вознаграждения, который эти товарищества должны будут уплатить хозяевам». В заключение декрета говорилось, что «анкетная комиссия должна будет представить свой отчет коммунальной комиссии труда и обмена, которая, в свою очередь, обязуется в кратчайший срок войти в Коммуну с проектом декрета, отвечающего интересам как Коммуны, так и рабочих»⁴¹.

Итак, рабочие организации непосредственно привлекались правительством Коммуны к активному участию в осуществлении её важнейшего начинания по перестройке социальных отношений. Декрет вызвал большой подъём среди трудящихся Парижа, которые горячо взялись за проведение его в жизнь. Впереди всех шли в этом деле металлисты, представлявшие собой один из самых передовых отрядов парижского пролетариата 1871 года. «Синдикальная палата рабочих-механиков» и «Ассоциация рабочих металлургии» созвали 23 апреля общее собрание рабочих-металлистов. Собрание постановило выделить двух делегатов в состав «анкетной комиссии» для участия в реализации декрета 16 апреля. Инструкция, которая была дана этим делегатам, свидетельствует о том, какое крупное принципиальное значение придавали механики и металлисты решениям, принятым Коммуной. Вот текст этого исторического документа: «Принимая во внимание, что при Коммуне, вышедшей из революции 18 марта, равенство не должно оставаться пустым звуком, что борьба, которая ведётся с таким мужеством и которую мы решили продолжать до полного истребления клерикалов и роялистов, ставит своей целью экономическое освобождение труда, что этот результат может быть достигнут только через ассоциацию рабочих, которая должна превратить нас из наёмных работников в членов производственного товарищества, — даём нашим делегатам следующую общую инструкцию: положить конец эксплуатации человека человеком, этой последней форме рабства; организовать труд путём солидарных ассоциаций, коллективно владеющих неотчуждаемым капиталом»⁴².

Видную роль в развернувшемся движении играл председатель профессионального объединения механиков и металлургов Делагэ, подписавший приведённую выше резолюцию собрания 23 апреля. Несколько дней спустя Делагэ обратился к синдикальным палатам всех рабочих корпораций с призывом «ускорить избрание делегатов» в «анкетную комиссию». В том же обращении указывалось, что «в целях установления постоянного контакта с комиссией труда и обмена в распоряжение корпорации предоставлено помещение в здании министерства общественных работ»⁴³.

Горячо откликнулись на декрет от 16 апреля и другие профессиональные союзы. «Синдикальная палата рабочих портняжного производства» в обращении ко всем рабочим организациям призывала их немедленно приступить к созданию «анкетной комиссии», предусмотренной декретом Коммуны, и при этом писала: «Никогда ещё ни одно правительство не предоставляло рабочему классу более благоприятного случая. Воздержаться от его использования значило бы изменить делу освобождения труда»⁴⁴.

15 мая состоялось первое общее собрание делегатов всех рабочих организаций Парижа. Второе общее собрание «Комиссии по обследованию и организации труда» было назначено на 18 мая. На этом собрании, кроме чтения протокола первого собрания, должно было происходить обсуждение устава⁴⁵.

К сожалению, в нашем распоряжении нет ни текста этого устава, ни протоколов обоих общих собраний. Но самый факт их созыва показывает,

⁴¹ «Journal Officiel» от 17 апреля 1871 года.

⁴² Там же от 24 апреля 1871 года.

⁴³ Там же от 29 апреля 1871 года.

⁴⁴ «Paris libre» № 9 от 20 апреля 1871 года.

⁴⁵ «Journal Officiel» от 15 мая 1871 года.

что за месяц, прошедший со времени издания декрета о брошенных мастерских, рабочими союзами Парижа была проделана довольно большая организационная работа. Не подлежит, однако, сомнению, что влияние прудонизма, ещё не ликвидированное до конца во французском рабочем движении ко времени Коммуны, тормозило развитие профессиональных союзов и производственных ассоциаций, поскольку правоверные последователи Прудона отвергали необходимость подобных организаций.

Руководящую роль в «Комиссии по обследованию и организации труда» играло её Исполнительное бюро, в состав которого входило семь человек. Среди них был председатель союза механиков Делагэ, две женщины — Алина Жакье и Натали Лемель, — члены Центрального комитета Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым. Все семь членов Исполнительного бюро были социалистами, активистами парижской федерации Интернационала.

Кратковременность существования Коммуны не позволила ей провести в жизнь свой декрет о брошенных мастерских. Но подъём, вызванный этим декретом среди трудящихся Парижа, способствовал развитию и укреплению рабочих организаций — как профессиональных союзов, так и производственных ассоциаций.

Особенно большой трудовой и политический подъём наблюдался среди рабочих — литейщиков стали. 7 мая секретарь Административного совета Ассоциации литейщиков стали В. Ляпюель обратился в редакцию газеты «Социальная революция» с письмом, в котором сообщал: «Мы начинаем литьё сегодня, и первый же снаряд, который выйдет из наших мастерских, понесёт к версальцам наш ответ противникам освобождения трудящихся»⁴⁶.

Духом горячей преданности Коммуне дышит и другой документ, исходящий от рабочих-металлистов; мы имеем в виду устав луврских мастерских по ремонту и починке оружия, датированный 3 мая и подписанный 105 рабочими и служащими этого предприятия, на котором был установлен рабочий контроль в виде выборного совета. Статья 15 этого устава гласила, что «в виде исключения, в тех случаях, когда последует распоряжение о немедленном ремонте оружия, совет, принимая во внимание интересы обороны Коммуны, может ввиду спешности заказа разрешить 1—2 часа сверхурочных работ, которые... оплачиваются, однако, без всякой надбавки к заработной плате, установленной для каждого рабочего». Показательна и статья 16 того же устава, которая устанавливала ночные дежурства в мастерских, но при этом оговаривала, что, «принимая во внимание... настоящее положение вещей и настоятельную необходимость беречь по возможности государственные средства, Коммуна не должна оплачивать эти ночные дежурства»⁴⁷.

Большую активность проявляли рабочие и работницы, занятые в портняжном производстве.

14 мая в газетах была опубликована резолюция «группы портних» X округа, занятых пошивкой мундиров для Национальной гвардии. Портнихи протестовали против произведённого предпринимателями понижения заработной платы, требовали восстановления прежней оплаты и угрожали, что в противном случае они объединятся в производственную ассоциацию «для эксплуатации названного предприятия в собственных интересах». «Пора положить этому конец... — писали работницы. — Пора навеки сбросить постылое иго тиранов и смелыми усилиями добиться справедливой оплаты и свободы труда!»⁴⁸.

Этот документ — яркое свидетельство того, как повысилось под влиянием Коммуны классовое самосознание трудящихся женщин Парижа.

⁴⁶ «La Sociale» № 39 от 8 мая 1871 года.

⁴⁷ «Journal Officiel» от 21 мая 1871 года.

⁴⁸ «Le Vengeur» № 47 от 14 мая 1871 года.

На заседании Коммуны 12 мая Франкель представил доклад о результатах обследования контрактов на пошивку военного обмундирования, заключённых интендантством Коммуны с частными подрядчиками. Из доклада вытекало, что с 25 апреля подрядчики значительно снизили расценки, результатом чего должно было явиться снижение заработной платы почти вдвое (и одновременно ухудшение качества изготовляемого обмундирования). В докладе предлагалось сохранить поштучные цены на обмундирование на прежнем уровне и передавать поставки и заказы, «по возможности, корпорации рабочих-портных». Заканчивался доклад сообщением, что этот союз уже представил Коммуне «коллективный договор, который отдаёт в её распоряжение 20 или 30 тысяч рабочих, составляющих корпорацию портных». Франкель, поддержав доклад и сделанные в нём предложения, заявил: «Мы не должны забывать, что революция 18 марта была совершена исключительно рабочим классом. Если мы не сделаем ничего в интересах этого класса, мы, избравшие своим принципом социальное равенство, то я не вижу никакого смысла в существовании самой Коммуны»⁴⁹.

Обсуждение этого вопроса закончилось принятием декрета, опубликованного на следующий день. Декрет поручал комиссии труда и обмена пересмотреть все ранее заключённые контракты, он предлагал впредь заключать контракты непосредственно с рабочими корпорациями и, во всяком случае, оказывать им предпочтение и также определял, что «подрядные условия и цены будут устанавливаться интендантством, синдикальной палатой корпорации и делегацией комиссии труда и обмена (по соглашению с делегатом и комиссией финансов). Особенно отмечалось, что в подрядных условиях на выполнение заказов Коммуны «должна быть оговорена минимальная заработная плата, почённая или сдельная, положенная рабочим и работницам, которые будут заняты выполнением данного заказа»⁵⁰.

Декрет 13 мая был важным достижением трудящихся Парижа, но, изданный за несколько недель до гибели Коммуны, он не мог, разумеется, дать больших практических результатов.

Ярким примером сотрудничества правительства Коммуны с пролетарскими общественными организациями служит тот факт, что Комиссия труда и обмена привлекла к участию в организации женского труда Центральный комитет союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым. Вместе с тем на этот комитет была возложена задача создания профессиональных объединений работниц. На 18 мая было назначено общее собрание парижских работниц для избрания делегатов в синдикальную палату каждой корпорации; в дальнейшем предполагалось создание федеральной палаты, которая должна была объединить все женские профсоюзные организации Парижа. События помешали осуществлению этих проектов.

Буржуазные газеты, стремясь посеять рознь между правительством Коммуны и трудящимися Парижа, распространяли ложные слухи, будто бы 50 рабочих корпораций присоединились к программе «Синдикального союза торговли, промышленности и труда», выдвинувшей проект «соглашения» между Парижем и Версалем. Делегаты рабочих корпораций Парижа, собравшиеся 14 мая, выразили решительный протест против лживых утверждений «соглашателей». «Нет, — твёрдо заявляли делегаты, — не может быть никакого соглашения между нами, трудящимися, и роялистами Версаля. Наша борьба против врагов республики, которые объявили нам дикую и жестокую войну, есть борьба социализма против финансового феодализма, прогресса против мракобесия. Мы победим, и наша победа

⁴⁹ «Procès-Verbaux de la Commune de 1871». Т. II, р. 352.

⁵⁰ «Journal Officiel» от 14 мая 1871 года.

принесёт с собой освобождение наёмного труда и независимость народов». Декларация заканчивалась словами: «Да здравствует Коммуна! Да здравствует Всемирная Социальная Республика!»⁵¹

Особое место среди пролетарских общественных организаций Парижа в дни Коммуны занимали секции Интернационала, объединённые в федерацию, во главе которой стояли такие видные деятели французского социалистического движения того времени, как Варлен, Тейсс, Франкель, Гулле (первые трое были членами Коммуны).

Накануне революции 18 марта парижские секции Интернационала находились в крайне тяжёлом положении. Это ясно видно из протоколов заседаний Федерального совета за январь и февраль 1871 года. На этих заседаниях указывалось, что война и осада губительно отразились на состоянии организации, что «секции разрушены и члены их разбрелись», что члены Интернационала располагают в Париже «моральной силой», но «силы материальной» у них нет, что «многие члены ассоциации не понимают целей ассоциации», что безработица затрудняет восстановление секций, что членские взносы поступают нерегулярно, что у Федерального совета нет собственного печатного органа, нет средств для развёртывания широкой пропаганды в провинции, что связь между парижской федерацией и Генеральным советом крайне слаба⁵².

Вина за такое состояние парижских секций лежала на их руководстве, в котором ещё сильно было влияние прудонистов и ещё давала себя знать недооценка значения политической борьбы.

Правда, отдельные руководящие деятели парижской федерации (Асси, Варлен, Авриаль, Дюваль и др.) приняли активное участие в революции 18 марта. Но организация в целом держалась выжидательно и не направляла ход событий. Член Федерального совета Бенуа Малон даже выступил против Центрального комитета Национальной гвардии и поставил свою подпись под воззванием, выпущенным парижскими окружными мэрами и депутатами Национального собрания. Этот поступок Малона вызвал осуждение со стороны некоторых членов Федерального совета, присутствовавших на заседаниях 23 и 29 марта⁵³. Было даже решено вызвать Малона и потребовать у него объяснений по этому поводу.

На выборах в Коммуну Федеральный совет парижских секций выступал совместно с Федеральной палатой рабочих союзов. 23 марта представители обеих организаций выпустили общее обращение к трудящимся, в котором излагали свой взгляд на события, своё понимание задач и целей революции 18 марта и выражали убеждение в том, что «народ Парижа сочтёт долгом чести голосовать за Коммуну»⁵⁴.

В данной статье нет возможности разбирать содержание этого документа, в большой мере проникнутого прудонистским духом⁵⁵.

В составе Коммуны оказалось свыше 30 членов Интернационала. Большинство из них (почти две трети) принадлежало к прудонистам (частью — к правым, частью — к левым); остальные были бланкистами; и только один (Серрайе) был близок к марксизму. Это обстоятельство привело к тому, что члены Интернационала в Коммуне не составили единой группы, которая могла бы правильно руководить всей политикой первого правительства рабочего класса и успешно преодолевать отрицательное влияние мелкобуржуазных демократов и мелкобуржуазных социалистов. Вместо этого члены Интернационала примкнули частью к

⁵¹ Там же от 15 мая 1871 года.

⁵² «Les séances officielles de l'Internationale à Paris pendant le siège et pendant la Commune», p. 37, 58, 68—69. Paris. 1872.

⁵³ Там же, стр. 143, 159—160.

⁵⁴ «Murailles politiques françaises». Т. II, p. 52—53.

⁵⁵ См. П. Керженцев. Указ. соч., стр. 236.

фракции бланкистско-якобинского «большинства» Коммуны, частью к фракции её прудонистского «меньшинства».

При всём том парижские секции Интернационала дали Коммуне большое количество преданных, способных и энергичных деятелей. И в самой Коммуне, и в отдельных её органах, так же как и в руководстве массовых общественных организаций, и среди командного состава Национальной гвардии было много активных членов Интернационала — передовых рабочих Парижа. Некоторые из них уже были названы выше как руководители политических клубов и профессиональных союзов. Членами Интернационала были и такие видные деятели Коммуны, выходцы из рабочего класса, как, например, Авриаль (член Коммуны, заведующий материальной частью артиллерийского ведомства), Варлен (член Коммуны и её военной комиссии), Дерёр (член Коммуны, комиссар при одной из её армий), Дюваль (член Коммуны, один из её военачальников), Клеманс (член Коммуны), Ланжевен (член Коммуны), Пенди (член Коммуны, военный комендант ратуши), Тейсс (член Коммуны, директор почтового ведомства). Особо должен быть отмечен член Коммуны Эжен Потье, пролетарский поэт, автор гимна «Интернационал».

Переход власти в руки Коммуны привёл к оживлению деятельности парижских секций Интернационала. Это выразилось, между прочим, в том, что был разработан проект нового устава, усиливавший права Федерального совета и укреплявший его связь с местными секциями и с рабочими союзами⁵⁶.

Связь между парижской федерацией и Генеральным советом была крайне слабой и поддерживалась в основном через переписку Огюста Серрайе (французского рабочего, члена Коммуны и вместе с тем представителя Генерального совета) и Франкеля с Марксом.

В письме к Франкелю от 26 апреля Маркс, который переживал события Коммуны как «участник массовой борьбы», «со всем свойственным ему пылом и страстью»⁵⁷, жаловался на то, что Генеральный совет не получает никаких сообщений от парижской федерации⁵⁸. До нас дошло только одно письмо Франкеля к Марксу, написанное из Парижа во время Коммуны. В этом письме, относящемся к концу апреля, делегат Комиссии труда и обмена просил у Маркса совета по поводу преобразований, намеченных им «в департаменте общественных работ»; в том же письме Франкель выражал надежду, что Маркс сделает всё возможное, чтобы разъяснить «всем народам, всем рабочим, и в особенности немецким, что Парижская коммуна не имеет ничего общего со старой германской общиной»⁵⁹. Не сохранилось и письмо, присланное Марксу Франкелем и Варленом, — письмо, о котором упоминает Маркс в своём письме к ним от 13 мая, где членам Коммуны давались ценные практические советы и где гениальный вождь Интернационала критиковал Коммуну за то, что она «тратит... слишком много времени на мелочи и личные счета»⁶⁰. «Повидимому, — добавлял Маркс, — наряду с влиянием рабочих, есть и другие влияния»⁶¹.

Слабая связь между Федеральным советом и Генеральным советом объясняется, разумеется, не только трудностями сообщения между Парижем и внешним миром, но и преобладанием прудонистов в парижских секциях.

Но вернёмся к деятельности парижских секций Интернационала в дни Коммуны. Число их увеличилось за это время и достигло 29 (включая

⁵⁶ «Les séances officielles de l'Internationale à Paris...», p. 105—122, 160.

⁵⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 12, стр. 88.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 112.

⁵⁹ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 196.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 118.

⁶¹ Там же. Подробнее о связях Маркса с Коммуной см. в письме Маркса к Бизли от 12 июня 1871 г. (там же, стр. 119—121).

2 пригородные — в Иври и в Монруже). Среди вновь созданных секций были «секция Дюваля» (по имени члена Коммуны, взятого в плен и расстрелянного версальцами 4 апреля) и «секция Флуранса» (по имени члена Коммуны, взятого в плен и расстрелянного версальцами 3 апреля).

2 апреля вышел первый номер газеты «Политическая и социальная революция» — органа объединённой секции железнодорожных станций Иври и Берси. Редактировал его журналист Гастон Рюфье, писавший под псевдонимом Жюль Ностаг. Поскольку эта газета была единственной, издававшейся парижскими секциями Интернационала во время Коммуны, она являлась фактически органом всей парижской федерации; в ней выступал со статьями иногда и один из секретарей федерации, Анри Гулле. Однако газета выходила только раз в неделю, так что всего вышло семь номеров. Большая часть помещавшихся в ней статей, принадлежавшая Жюлю Ностагу, была проникнута прудонистскими утопическими воззрениями. Типична в этом отношении статья Ностага «Социальная революция», опубликованная 23 апреля. Статья эта заканчивалась призывом к «трудящейся буржуазии объединиться с народом против капитализма — этого рабства XIX столетия»⁶². Статья «Коммуна — муниципалитет», опубликованная 16 апреля, верно характеризует революцию 18 марта 1871 г. как «реванш за июньские дни 1848 г.», как «продолжение вечной борьбы труда против капитала», как «возвышение к власти пролетариата». Однако в той же статье содержится ошибочное утверждение, будто упрочение республики уничтожит «антагонизм, разделяющий два класса — пролетариат и капиталистов»⁶³.

Иной характер носили статьи Анри Гулле, который давал подчас довольно верный анализ сущности событий и задач Коммуны. «Парижская Коммуна, — писал он в обращении к её членам, — есть ныне единственный сияющий маяк, который указывает путь пролетариям. Ваше дело священо, слышите вы, представители угнетённых, обездоленных, одним словом, всех, кто страдает в Париже с тех пор, как он существует. Вы должны нас спасти! Помимо вас нам не на что больше надеяться. Итак, вперед!.. Громите врага, сметайте всё, что преграждает дорогу народу... Дело идёт о жизни и смерти народа: его хотят убить, а он хочет жить... Самые гуманные — это те, кто убивает наибольшее число врагов»⁶⁴.

Острая ненависть к версальским контрреволюционерам, беспощадно расправлявшимся с пленными коммунарами, побуждала Гулле требовать от Коммуны решительных действий и суровых репрессий по отношению к врагам.

Чрезвычайно характерна в этом отношении статья того же Гулле «Комитет общественного спасения». В отличие от многих других членов Интернационала, которые под влиянием прудонистских предрассудков выступали и в Коммуне и вне её против создания органа, наделённого сильной властью, Гулле приветствовал организацию Комитета общественного спасения и напоминал о том, с какой энергией и с каким успехом действовал одноимённый орган, созданный в 1793 г. Конвентом. Называя имена членов Комитета общественного спасения, созданного Коммуной, Гулле заявлял: «Все они известны рабочим и, несомненно, внушают самое полное доверие нашему классу... Тяжёлую ответственность возлагают на себя эти граждане. Мы окажем им безграничную поддержку. Это долг рабочего класса. Прошло время заниматься философскими дискуссиями в наших секциях. Надо спасать Париж»⁶⁵.

Чем же занимались отдельные секции и Федеральный совет на своих заседаниях в период Коммуны? В нашем распоряжении имеется только

⁶² «La Révolution politique et sociale» № 4 от 23 апреля 1871 года.

⁶³ Там же, № 3 от 16 апреля 1871 года.

⁶⁴ Там же, № 4 от 23 апреля 1871 года.

⁶⁵ Там же, № 6 от 8 мая 1871 года.

несколько протоколов или, точнее, отрывков из протоколов, а иногда даже только резолюций. Поэтому сколько-нибудь полный ответ на этот вопрос невозможен. На основе имеющихся материалов мы можем привести лишь некоторые факты и обрисовать лишь отдельные эпизоды из жизни и деятельности парижской федерации за время Коммуны.

12 апреля Федеральный совет единогласно принял следующую резолюцию, имеющую крупное принципиальное значение: «Принимая во внимание, что депутат Толен, избранный в Национальное Собрание в качестве представителя рабочего класса, самым позорным образом, как самый жалкий трус, изменил своему делу, Парижский Федеральный Совет Интернационала исключает его из своих рядов и просит Лондонский Генеральный Совет утвердить это исключение»⁶⁶.

В этой резолюции речь идёт о прудонисте Толене, который остался депутатом версальского Собрания и выступал против Коммуны. Гулле в одной из своих статей клеймил этого предшественника правых социалистов нашего времени как ренегата социализма, слугу капиталистов и доказывал, что враги Коммуны рассчитывали с его помощью внести раскол в среду пролетариата и отвлечь его от революционной борьбы.

28 апреля объединённая секция Иври и Берси вынесла решение об исключении из Интернационала одного из своих членов — Жозефа Персико (преподавателя музыки). Решение мотивировалось тем, что он более месяца не является на собрания секции, и тем, что во время выборов в Коммуну он действовал в духе, противоположном решениям парижской федерации⁶⁷.

Интересна резолюция, принятая 9 мая секцией Каррьер, которая выражала пожелание, чтобы Коммуна декретировала «образование светское, начальное и профессиональное, обязательное и бесплатное на всех ступенях»⁶⁸. Эта резолюция, несомненно, способствовала усилению борьбы, которую Коммуна вела за радикальную реформу народного просвещения.

Важное решение было принято Федеральным советом 3 мая. На этом заседании было постановлено выделить «инициативную комиссию» из пяти членов, которая должна была находиться в ратуше, «служить посредницей между Федеральным советом и Коммуной» и «представлять ей на рассмотрение и одобрение результаты работ парижских секций». Постановление прибавляло, что члены этой комиссии должны будут отчитываться в своих действиях на каждом заседании Федерального совета и что он может в любое время отозвать их. В состав «Инициативной комиссии» были выбраны Гулле, Аме (секретарь заседаний Федерального совета), Ностаг, Мартен и Компа⁶⁹. 10 мая к ним были присоединены ещё два члена — Арман Леви и Бошар⁷⁰. На том же заседании было решено, что временно комиссия будет заседать в министерстве общественных работ, т. е., добавим, там, где помещалась Комиссия труда и обмена Коммуны и где с 26 апреля обосновалась Комиссия по обследованию и организации труда.

Как видно из одного документа, датированного 20 мая, «Инициативная комиссия» Федерального совета обосновалась, в конце концов, в доме № 6 на площади Кордери, т. е. в здании, где помещался Федеральный совет. Временным секретарём её стал Ностаг⁷¹. События помешали «Инициативной комиссии» развернуть свою деятельность.

15 мая члены прудонистского «меньшинства» Коммуны на фракционном совещании в здании Почтового ведомства, происходившем под пред-

⁶⁶ Там же, № 3 от 16 апреля 1871 года.

⁶⁷ «Les séances officielles de l'Internationale à Paris...», p. 170.

⁶⁸ Там же, стр. 179—180.

⁶⁹ Там же, стр. 174.

⁷⁰ Там же, стр. 183.

⁷¹ «Journal Officiel» от 21 мая 1871 года.

седательством Тейсса, приняли декларацию, в которой протестовали против действий бланкистско-якобинского «большинства», осуждали создание Комитета общественного спасения как органа, будто бы нарушающего принципы демократии, и заявляли, что не будут больше участвовать в заседаниях Коммуны⁷². На следующий день декларация «меньшинства» появилась в печати.

Революционная общественность Парижа осудила этот раскольнический шаг «меньшинства», встреченный врагами Коммуны как проявление её слабости и предвестник её гибели. Центральные комитет Национальной гвардии, клубы, большая часть революционных газет стали на сторону «большинства», которое всё же лучше, чем «меньшинство», понимало необходимость решительных действий и твёрдых мер по отношению к контрреволюционным элементам. Однако и «большинство» совершало ошибки, хотя ошибки иного порядка, чем «меньшинство».

Среди членов Интернационала не было единодушия в этом важном вопросе. Из 25 членов парижской федерации, которые были в этот момент в составе Коммуны, 15 примыкало к «меньшинству», а 10 шли с «большинством». Федеральный совет принял 17 мая решение созвать на 20 мая «экстренное собрание» для обсуждения «создавшегося положения»⁷³.

«Экстренное собрание» Федерального совета, назначенное на 20 мая, состоялось. Председательствовал Бастелика. Собрание было весьма многочисленным: присутствовали делегаты от 28 секций (из общего числа 29). Из членов Коммуны явились Авриаль, Тейсс, Серрайе, Жак Дюран, Лео Франкель и Остен; отсутствовали, предупредив о невозможности быть на собрании, троие: Жоаннар, Малон и Варлен.

Протокол этого важного собрания не сохранился. Существует только краткий отчёт, в котором приводится текст принятой резолюции (она была затем опубликована в газетах). Резолюция высказывалась в общем в пользу «меньшинства», поскольку она заявляла, что поддерживает выдвинутое им требование «гласности заседаний и изменения статьи 3-й декрета об учреждении Комитета общественного спасения», о которой в резолюции говорилось, что она делает невозможным «какой бы то ни было контроль над действиями исполнительной власти». Однако резолюция не требовала всё же ликвидации Комитета общественного спасения. Вместе с тем она подчёркивала, что собрание выражает удовлетворение объяснениями, которые были даны членами Коммуны, и признаёт «безупречную честность мотивов, которые руководили их действиями». Резолюция призвала членов Коммуны, принадлежащих к Интернационалу, «оставаясь на страже интересов рабочего класса, приложить все свои усилия к сохранению единства Коммуны, столь необходимого для успешной борьбы против версальского правительства»⁷⁴. Этот пункт резолюции имел, конечно, наибольшее значение.

Коммуна, писал впоследствии (в 1874 г.) Энгельс, была «духовным детищем Интернационала»⁷⁵. Однако то обстоятельство, что во главе парижских секций Интернационала стояли частью прудонисты, частью бланкисты, что во Франции не существовало тогда марксистской рабочей партии, помешало парижской федерации Интернационала стать в полном смысле слова организующим и руководящим ядром Коммуны, идейно-политическим штабом пролетарской революции 1871 года.

Большую роль играли в Париже в дни Коммуны такие общественные организации, как комитеты бдительности и советы легионов, действовавшие в каждом из 20 округов города. К сожалению, в доступных нам до-

⁷² «Procès-Verbaux de la Commune de 1871». Т. II, p. 369—374.

⁷³ «Les séances officielles de l'Internationale à Paris...», p. 189.

⁷⁴ «Journal Officiel» от 24 мая 1871 года.

⁷⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 373.

кументах деятельность этих революционных организаций отражена очень слабо. Но даже то, что можно извлечь по этому вопросу из имеющихся материалов, представляет значительный интерес.

Комитеты бдительности возникли ещё в сентябре 1870 г. для мобилизации всех сил на защиту осаждённого Парижа и для контроля над действиями изменнического правительства национальной обороны, которое почти с самого начала вызывало законные подозрения у народных масс. Членами комитетов были видные представители рабочих и демократических организаций (в том числе ряд членов Интернационала).

После капитуляции Парижа и окончания военных действий комитеты бдительности реорганизовались. На общих собраниях, состоявшихся 20 и 23 февраля 1871 г., было принято решение немедленно реорганизовать их, устранив из их состава все умеренные, мелкобуржуазные элементы.

В основу деятельности комитетов бдительности была положена «декларация принципов», принятая на общем собрании 19 февраля. Эта декларация свидетельствовала о классово-пролетарском характере комитетов бдительности, но в том же документе имелись и чисто прудонистские положения о «политической и социальной ликвидации», о праве рабочих на «полный продукт труда». В той же декларации говорилось, что комитеты бдительности намерены защищать республиканский строй от всех возможных посягательств. Члены комитетов заявляли далее, что они не признают «иногo правительства в городе, кроме революционной Коммуны, составленной из делегатов от революционно-социалистических групп этого города», и «иногo правительства страны», кроме правительства, «составленного из делегатов от революционных коммун страны и от главных рабочих центров». В заключение «декларация принципов» подчёркивала, что каждый член комитета бдительности должен «отдать все средства, которыми он располагает, на дело пропаганды в пользу Международного Товарищества Рабочих»⁷⁶.

Такова была идейно-политическая программа, лежавшая в основе деятельности комитетов бдительности 1871 г., — программа более радикальная, более пролетарская, чем программа Центрального комитета Национальной гвардии и его местных органов. Комитеты бдительности приняли активное участие в революции 18 марта, а после провозглашения Коммуны стали одним из её органов в округах.

Особенно выделялся своей активностью комитет бдительности XVIII округа, состоявший из людей энергичных и преданных делу революции. Среди них были видные бланкисты — братья Шарль и Теофиль Ферре (один из них стал впоследствии членом Коммуны), учительница Луиза Мишель — героическая коммунарка, получившая прозвище «красной девы Монмартра». В своих воспоминаниях Луиза Мишель утверждает, что члены комитета бдительности этого округа в согласии со всем его рабочим населением после 18 марта настойчиво требовали от Центрального комитета Национальной гвардии немедленного похода на Версаль, чтобы уничтожить этот центр контрреволюции и не дать правительству Тьера передышки⁷⁷. Однако Центральный комитет не сделал этого. «Момент был упущен из-за совестливости», — писал Маркс в известном письме к Кугельману от 12 апреля 1871 г., критикуя эту пагубную ошибку парижских коммунаров: «Не хотели начинать гражданской войны, как будто бы чудовищный выродок Тьер не начал ее уже своей попыткой обезоружить Париж!»⁷⁸.

Энергично действовал и комитет бдительности другого пролетарского округа — Бельвилля (XIX округ Парижа). Следует отметить, что этот ко-

⁷⁶ G. Bourgin. La Commune de Paris et le Comité central (1871). «Revue historique», septembre — octobre 1925, p. 15—16.

⁷⁷ Л. Мишель. Коммуна, стр. 76. М.-Л. 1926.

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 106.

митет явился одним из инициаторов создания Комитета общественного спасения. В 20-х числах апреля по предложению комитета бдительности XIX округа комитет 1-го дистрикта этого округа (дистрикта Марсельезы) обратился к Коммуне с петицией, в которой требовал немедленного создания Комитета общественного спасения, «облечённого широкими полномочиями, чтобы декретировать победу и обеспечить ей (Коммуне) необходимую силу для исполнения её декретов». Необходимость такого сильного органа власти мотивировалась в этой петиции указанием на то, что «положение Парижа делается всё более и более тяжёлым» и что «нужно прожить столько же энергии, сколь велика и опасность»⁷⁹.

Эта петиция стала известна в Париже 26 апреля, за два дня до того, как член Коммуны Жюль Мио внёс на её заседании своё на шумевшее предложение создать Комитет общественного спасения. Не исключена возможность, что Мио, роль которого в этом деле часто преувеличивается в исторической литературе, действовал под прямым давлением передовых рабочих и демократов Бельвилля, возглавляемых окружным комитетом бдительности. Это тем более вероятно, что Мио был избран в Коммуну именно от этого округа. Во всех случаях активная роль комитета бдительности Бельвилля в этом важном вопросе несомненна.

Большую активность проявляли и некоторые советы легионов — выборные организации, состоявшие из делегатов от всех батальонных комитетов данного округа (по два от каждого батальона) и из всех командиров батальонов, расположенных на его территории.

Интересный материал, освещающий деятельность совета V легиона, приводит в своих воспоминаниях социалист Жан Аллеман, рабочий типографского производства, являвшийся председателем этого совета. По инициативе совета в округе были проведены решительные меры против шпионов, дезертиров, спекулянтов, проституток, против враждебных Коммуне священников и монахов⁸⁰.

Следует особо отметить, что не всё в деятельности советов легионов имело положительное значение. В некоторых округах соперничеством между муниципальной комиссией и советом легиона пользовались в своих контрреволюционных целях враждебные Коммуне элементы.

Большую работу выполняли в округах муниципальные комиссии. Интересные данные о работе муниципальной комиссии IV округа приводит член Коммуны от этого округа Артур Арну в своей известной книге «Народная и парламентская история Парижской Коммуны» (в русских переводах 1905 и 1919 гг. она неточно озаглавлена «Народная история Парижской Коммуны»). «В неё входило, — рассказывает Арну о комиссии IV округа, — двенадцать членов, имена и лица которых я ясно помню, двенадцать граждан, которые в течение двух месяцев, не останавливаясь ни перед усталостью, ни перед временем, проводили в мэрии по очереди дни и ночи». «Муниципальная комиссия, — продолжает свой рассказ Арну, — собиралась раз в неделю, вечером, с членами Коммуны, чтобы дать нам точный перечень выполненных дел, объяснить положение в различных учреждениях округа, обсудить реформы и улучшения, какие там нужны. Однажды члены этой муниципальной комиссии обратились к членам Коммуны с просьбой предоставлять им по очереди отпуск на 24 часа, с тем, чтобы они могли проводить эти часы на фронте, в составе своих батальонов, сражаться с врагом и, вместе с тем, проверять собственными глазами, есть ли у бойцов всё необходимое, выслушивать их жалобы и просьбы, а затем доводить их до сведения Коммуны»⁸¹. Это предложение, которое,

⁷⁹ «La Sociale» от 26 апреля 1871 года.

⁸⁰ J. Allemane. Mémoires d'un communard. Des barricades au bagne, pp. 49—50, 59—61, 68—89. Paris (s. a.).

⁸¹ А. Арну. Народная история Парижской Коммуны, стр. 222—223. Пгг. 1919. (Перевод исправлен.— А. М.)

разумеется, было принято, свидетельствует о том, как велика была преданность трудящихся Парижа делу Коммуны.

Яркий портрет рабочего — активиста Коммуны, выдвинутого своими товарищами на пост помощника начальника легиона, рисует Арну, говоря о подполковнике Национальной гвардии Гиллета, занимавшем эту должность в IV округе: «Он был художником в мебельном деле... Ему можно было дать двадцать восемь лет. 18 марта он вошёл в мэрию четвёртого округа и принял деятельное участие в подготовке к выборам. Во время Коммуны он сделался помощником начальника легиона. Бледный и больной, ещё более похудевший, он в течение этих двух месяцев оставался на службе по 24 часа в день, проводя ночи, не раздеваясь, на худом матраце, в углу своего бюро, и виделся с женой только в редкие промежутки, когда она приходила к нему на несколько минут в мэрию. Всегда вставая первым, по первому сигналу, всегда в движении, безжалостно изнуряя своё тело, он вскакивал на лошадь, чтобы проводить батальоны округа на место битвы, отдавая свои силы, даже — большего того — свою жизнь с неслыханной расточительностью»⁸². Гиллета остался до конца верен Коммуне и погиб на одной из последних её баррикад. Так работали и сражались рабочие — активисты Коммуны, составлявшие её главную опору.

Следует, однако, заметить, что одновременное существование в округах разнообразных органов власти и различных общественных организаций при отсутствии чёткого разграничения функций между этими органами и организациями приводило к тому, что в своей практической деятельности они нередко сталкивались между собой и мешали друг другу. В результате подчас создавалась вредная для дела путаница. Особенно отрицательные последствия вызывал параллелизм в работе местных органов Коммуны и местных органов Центрального комитета Национальной гвардии, принимавший иногда форму своеобразного соперничества. Этим пользовались иной раз в своих контрреволюционных целях враждебные Коммуне элементы⁸³. Если бы существовала единая направляющая сила пролетарской революционной партии, этот параллелизм был бы быстро изжит и полностью преодолен.

Политическая активность трудящихся масс Парижа в дни Коммуны проявлялась в многочисленных письмах, которые направлялись в редакции революционных газет и в различные правительственные органы. Эти письма содержали просьбы, предложения, советы и критические замечания по самым разнообразным, но всегда злободневным вопросам и потому представляют большой интерес для историка.

Очень много писем получали газеты. Живая связь с читателем — характерная черта прессы Коммуны. Особенно большой поток корреспонденции имела газета «Пер Дюшен», тираж которой достигал громадной по тем временам цифры — 70 тыс. экземпляров. В № 44 редакция этой газеты писала: «Каждое утро и каждый вечер, когда отец Дюшен открывает ящик, который он прибил к дому своего типографа Сорне с тем, чтобы патриоты опускали туда свои сообщения, он находит там такую грудку писем, что им не видно конца. Это доставляет ему большое удовольствие, так как доказывает, что патриоты читают его газету и он находится на правильном пути благодаря тому, что добрые граждане предупреждают его обо всём, что творится в городе, и пишут, что следует предпринять в интересах народа»⁸⁴.

⁸² Там же, стр. 224—225.

⁸³ Так было, например, в XVII округе, где некий Мюле, бывший, повидимому, версальским агентом, сумел войти в доверие совета легиона и, несмотря на противодействие членов Коммуны от данного округа, занять важный пост начальника легиона («Procès-Verbaux de la Commune de 1871». Т. II, р. 16, 53—54).

⁸⁴ «Le père Duchêne» № 44 от 29 апреля 1871 г., стр. 1—2.

Двенадцать из этих писем сохранились в подлинниках до наших дней (они хранятся в архиве Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б)) и были изданы в 1933 г. в сборнике под названием «Письма рабкоров Парижской Коммуны». Но эти письма — ничтожная часть того богатого материала, который поступал в редакцию газеты «Пер Дюшен» и в редакции других органов парижской революционной прессы 1871 года.

Вера в правоту своего дела, стремление помочь Коммуне, жгучая ненависть к версальцам — таковы общие черты всех писем революционно настроенных читателей газет Коммуны.

«Опыт двух минувших десятилетий, — пишет один из них в редакцию газеты «Новая республика», — научил нас, чего мы должны ждать от краснобаев. Ныне, когда к власти приходит рабочий класс, встаёт вопрос: сумеет ли он лучше вести дела, нежели господа адвокаты? Я не колеблюсь ответить утвердительно. Свободный от всякого груза политического прошлого, жадно рвущийся к прогрессу и счастью, рабочий класс примет без всяких предубеждений все полезные реформы, которые будут выдвинуты общественным мнением»⁸⁵.

«Кто победит: версальское правительство с его полицией и жандармами или Коммуна с её республиканской армией?» — спрашивает рабочий Этьен Альбран в письме от 16 апреля в редакцию газеты «Пер Дюшен». Автор этого письма, секретарь одной из парижских секций Интернационала (секции Стефенсона), заявляет, что пишет с единственной целью — «показать, как парижские рабочие относятся к версальскому правительству». «Объединившаяся против Коммуны монархическая реакция стремится, — говорит он, — в третий раз задушить республику, чтобы через новую гражданскую войну проложить дорогу к трону одному из своих претендентов. Республиканцам грозят повторением декабрьских ужасов 1851 года: тюрьмами, расстрелами, изгнанием, нищетой». Иное дело, если победит Коммуна: «...мастерские, откроются, свобода будет обеспечена и спасено право жить, работая». Своё письмо Альбран заканчивает горячим призывом к вооружённому отпору «версальским бандитам»: «К оружию, парижане! Будем помнить, что мы должны спасти Республику. С нею Франция будет великой и процветающей, а при монархии Франция будет навеки унижена и уничтожена»⁸⁶.

Рабочий К. Фавр, позолотчик по дереву, в письме, напечатанном в газете «Пролетарий», резко клеймит версальское правительство и его руководителей, особенно Тьера: «Неужели вы думаете, подлецы, что храбрый парижский народ настолько прост, чтобы поверить речам, которые произносятся в вашем Версальском дворце, где вы заявляете, что республика является единственно возможной формой правления во Франции? Как бы не так! Неужели ты думаешь, Футрике (непереводимая бранная кличка Тьера. — А. М.), что народ забыл об учинённой тобою резне на улице Транснонен (14 апреля 1834 г., при подавлении республиканского восстания в Париже. — А. М.) или о твоём выступлении в палате по поводу ожидавшегося в Лионе движения (в апреле 1834 г. — А. М.), когда ты заявил: «Не беспокойтесь, мы пошлём туда войска, лионцам нужен урок»... Нет, народ достаточно знает вас и потому не верит вам. Ваше правительство, как вы его именуете, — это смесь лжи, преступлений, воровства, лицемерия, подлогов, иначе говоря, правительство Тартюфа».

Фавр выражал твёрдую уверенность в победе Коммуны над Версалем: «Справедливая война, которую мы ведём, понесёт в складках красного знамени идею освобождения и объединения народов в самые дальние

⁸⁵ «La Nouvelle République» № 19 от 31 марта 1871 года.

⁸⁶ «Письма рабкоров Парижской Коммуны», стр. 32—33. Партиздат. ИМЭЛ. 1933.

страны»⁸⁷. Такой же уверенностью дышали и письма других рабочих-корреспондентов.

Многие из писем, поступавшие в редакции газет Коммуны и в её правительственные органы, были проникнуты духом критики и самокритики. Основной упрёк, который делают Коммуне её рабочие-корреспонденты, сводится к тому, что она действует недостаточно твёрдо, что ей не хватает решительности в проведении намеченных мероприятий, в борьбе с версальской контрреволюцией, с её агентами и пособниками в Париже. Критикуя правительство Коммуны, трудящиеся Парижа критиковали его как свою родную рабочую власть, торжества которой они горячо желали, о промахах и неудачах которой глубоко скорбели. Вот характерное письмо, адресованное 19 апреля в редакцию газеты «Пер Дюшен» неким Ж. Б. из Бельвилля: «Дорогой гражданин Дюшен! Я чертовски доволен вашим сегодняшним предложением по вопросу об арестах, реквизициях и обысках у частных лиц, производимых без разрешения Коммуны, потому что подобные явления дьявольски вредят... Поэтому вы правы, когда со всей силой бьёте по этому слабому месту; надо, чтобы эта бедная Коммуна заставила себя хоть немного уважать; пора! И пора ей стать настоящим правительством, потому что люди начинают ворчать, что дела идут плохо, чёрт возьми!.. Итак мы рассчитываем на вас, чтобы поддать ей пару, как говорится, и подтянуть её»⁸⁸.

Немало жалоб вызывала нерешительность Коммуны в борьбе с дезертирством, с уклонениями от военной службы. 6 апреля газета «Коммуна» сообщала, что ею получено письмо от жителя II округа с предложением «разоружить всех, кто не хочет принимать участия в защите Парижа». 11 апреля волонтёр 107-го батальона Луи Нидо обратился в редакцию газеты «Клич народа» с письмом, в котором сообщал, что декрет Коммуны о зачислении в маршевые роты всех мужчин в возрасте от 19 до 40 лет не исполняется в X округе: лавочки отсиживают в запасных ротах⁸⁹.

Жалобами на нерешительность Коммуны в борьбе с дезертирством, на то, что она не принимает достаточно твёрдых мер против притаившихся в Париже шпионов и вредителей, полны письма рабочих и служащих в органы революционной печати⁹⁰. Об этом трудящиеся Парижа писали и в правительственные учреждения Коммуны.

Характерно письмо, адресованное 4 мая некоей гражданкой полковнику Росселю, бывшему тогда военным делегатом Коммуны. Этот глубоко патриотический документ, проникнутый духом горячей преданности Коммуне, начинается следующими словами: «Гражданин! Первейшая обязанность всякого правительства — добиться исполнения своих декретов; если у него не хватает на это твёрдости, противники начинают пользоваться его слабостью, а сторонники, даже самые горячие, падают духом. Такая картина наблюдается сейчас. Цвет республиканцев проливает свою кровь, в то время как масса здоровых мужчин плюёт на декреты и не только преспокойно занимается своими личными делами, но даже позволяет себе подсмеиваться над бойцами». «Мой муж, — писала далее эта женщина, — служит в 7-й маршевой роте 141-го батальона, она находится на форте Исси с воскресенья 30 апреля и сражается там за наши права. Я не жалею об этом, напротив, я сама побуждала мужа к этому, так как это его долг. Вот почему у меня сердце обливается кровью, когда я вижу, что сражается только тот, кто хочет. Трусы и дезертиры остаются безнаказанными»⁹¹.

⁸⁷ «Le Prolétaire» № 4 от 24 мая 1871 года.

⁸⁸ «Письма рабкоров Парижской Коммуны», стр. 52—53.

⁸⁹ См. «Le Cri du peuple» от 11 апреля 1871 года.

⁹⁰ См. «Paris libre» № 37 от 18 мая 1871 г. (письмо национального гвардейца 32-го батальона из округа Монмартр); «Le Vengeur» № 30 от 28 апреля 1871 г. (письмо «ста-го республиканца») и многие другие.

⁹¹ C. Dauban. Le fond de la société sous la Commune, p. 205—206. Paris. 1873.

«Парижские коммунары были слишком мягки в отношении версальцев,— указывает И. В. Сталин,— за что их с полным основанием ругал в своё время Маркс. А за свою мягкость они заплатились тем, что, когда Тьер вошёл в Париж, десятки тысяч рабочих были расстреляны версальцами»⁹².

Во многих письмах трудящиеся Парижа критиковали членов Коммуны за ту слишком большую мягкость, которую они проявляли к врагам. На заседании Коммуны 1 мая Ферре представил петицию жителей XVIII округа, которые настаивали на принятии суровых репрессий в ответ на зверскую расправу версальцев с четырьмя национальными гвардейцами, взятыми в плен и замученными при Бель-Эпине. Представляя эту петицию, Ферре указал, что в округе царит страшное возмущение жестокостью версальцев, и потребовал, чтобы петиция была передана в Комиссию юстиции Коммуны.

Через две недели, на заседании Коммуны 17 мая, под влиянием сообщения о зверском убийстве версальцами санитарки Национальной гвардии было принято постановление немедленно привести в исполнение декрет от 5 апреля, предусматривавший казнь тройного числа заложников в ответ на расстрел одного пленного коммунара⁹³. Но и это постановление не было проведено в жизнь. Лишь в самые последние дни Коммуны, когда версальские войска расстреливали на улицах Парижа тысячи пленных коммунаров, — несколько десятков реакционеров, арестованных в своё время властями Коммуны, были расстреляны по приказу Риго, Ферре и некоторых других её руководящих деятелей.

Большую заботу проявляли трудящиеся Парижа об укреплении обороноспособности революционной столицы. 12 апреля 1871 г. редакция газеты «Мститель» сообщала своим читателям о письме, полученном ею от граждан Синьерона и Тиль-Пренана. Авторы письма указывали, что часовой у вокзала Отейль случайно обнаружил шесть пушек, зарытых в землю, и в связи с этим советовали военным властям обследовать весь пояс укреплений Парижа⁹⁴.

«Артиллерии недостаёт руководства», — жалуется некий «житель Вожирара» в письме на имя главного редактора газеты «Коммуна»: «Наши бастионы вооружены тяжёлыми и дальнобойными орудиями, которые, однако, бездействуют. Они могли бы раздавить версальские батареи, опустошающие Исси и Ванн, поскольку они на 3000 метров превосходят своей дальнобойностью пушки фортов. Форту Исси почти нечего было бы и делать, так как батареи нашей крепостной стены могли бы сильно облегчить ему задачу»⁹⁵.

Другой читатель обращается 25 апреля в редакцию «Коммуны» с вопросом, почему военное ведомство не использует канонерки Сенской речной флотилии для обороны Парижа: «Между тем эти канонерки могли бы принести нам большую помощь против батарей Пюто, Курбевау, Нейи и Бэкона. Наши славные моряки вне себя от бездействия, на которые они обречены из-за головотяпства или бездарности своих начальников»⁹⁶. Этот совет был учтён военным ведомством Коммуны, и речная флотилия была использована в дальнейшем для нужд обороны.

Всё, что волновало умы трудящегося населения революционного Парижа, находило своё отражение в письмах читателей газет Коммуны. Рабочие и служащие торговых и промышленных предприятий обращались в редакции с жалобами на притеснения со стороны хозяев. 5 апреля двое служащих пивной на бульваре Бон-Нувель сообщали, что они уволены хозяином, заявившим, что «он не потерпит у себя ни одного служащего,

⁹² И. В. Сталин. Соч. Т. 10, стр. 236.

⁹³ См. «Procès-Verbaux de la Commune de 1871». Т. II, р. 388.

⁹⁴ См. «Le Vengeur» № 14 от 12 апреля 1871 года.

⁹⁵ «La Commune» № 42 от 1 мая 1871 года.

⁹⁶ Там же, № 38 от 27 апреля 1871 года.

который стоит за Коммуну»⁹⁷. В начале мая редакция газеты «Пер Дюшен» получила письмо от железнодорожных рабочих, которые жаловались на крайне тяжёлые условия труда и на безграничную эксплуатацию их директорами компаний⁹⁸.

Многие письма читателей газет Коммуны содержат жалобы на частое нарушение декрета Коммуны об отсрочке уплаты квартирной задолженности и разоблачают конкретных виновников — домовладельцев, мировых судей и судебных исполнителей⁹⁹.

В письме от 18 апреля житель Монмартра по фамилии Бизар отмечает, что многие кварталы рабочей окраины Парижа подвергаются яростному обстрелу версальской артиллерии, вследствие чего жители этих кварталов вынуждены покидать их. Автор письма предлагает реквизировать пустующие особняки и переселить туда людей, оставшихся без крова¹⁰⁰. Это письмо было принято во внимание властями Коммуны, которые в ряде округов стали переселять жителей из обстреливаемых районов города в пустующие особняки буржуазии и аристократии.

«Наша пролетарская революция является единственной в мире революцией, которой довелось показать народу не только свои политические результаты, но и результаты материальные. Из всех рабочих революций мы знаем только одну, которая кое-как добилась власти. Это — Парижская Коммуна. Но она существовала не долго. Она, правда, попыталась разбить оковы капитализма, но она не успела их разбить и тем более не успела показать народу благие материальные результаты революции»¹⁰¹.

Это указание И. В. Сталина необходимо постоянно иметь в виду, читая письма, в которых трудящиеся Парижа времён Коммуны жаловались на своё бедственное материальное положение. А писем такого рода попадается немало. Вдова Дюмон жалуется на то, что не может найти работы и содержать двух своих малолетних детей¹⁰². Работница Ф. Роз-Пренс обращается в редакцию газеты «Пер Дюшен» с письмом, в котором заявляет, что за время осады Парижа немцами она «дошла до крайней нищеты: нет ни денег, ни работы... обносилась, снесла в ломбард всё, что было: бельё, чёрную шаль, которая иной раз так нужна, платье...» «Я знаю, — замечает она, — что наша славная Коммуна имеет много дел, но и народные нужды не терпят отлагательства... Прошу вас, — добавляет эта женщина, — дайте нам возможность расклеивать афиши от имени республики, мы готовы умереть от снарядов». Она ходатайствует о том, чтобы вещи, заложенные беднотой в ломбарде, были возвращены безвозмездно¹⁰³.

Такое мероприятие действительно было проведено Коммуной 6 мая; голос безработной Роз-Пренс был услышан.

Ряд писем критикует финансовую политику Коммуны и требует решительных мер в отношении Французского банка, этого «очага реакции»¹⁰⁴. Вдова национального гвардейца в письме, адресованном в редакцию газеты «Клич народа», поднимает вопрос об уплате денежного пособия не только жёнам национальных гвардейцев, но и их овдовевшим матерям и указывает, что «они сильно нуждаются в этом»¹⁰⁵. Провести эту меру не удалось.

Многие из писем, поступавших в редакции газет Коммуны, подчёркивали важность установления связи между революционным Парижем и провинцией. В ряде писем поднимается вопрос о необходимости разъяс-

⁹⁷ «Le Cri du peuple» № 33 от 8 апреля 1871 года.

⁹⁸ См. «Письма рабкоров Парижской Коммуны», стр. 54—56.

⁹⁹ Особенно часто упоминаются письма на эту тему в газете «Пер Дюшен».

¹⁰⁰ «Le Cri du peuple» № 52 от 22 апреля 1871 года.

¹⁰¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 499. 11-е изд.

¹⁰² «Le Vengeur» № 29 от 27 апреля 1871 года.

¹⁰³ См. «Письма рабкоров Парижской Коммуны», стр. 25—26.

¹⁰⁴ «La Nouvelle République» от 15 апреля 1871 года.

¹⁰⁵ «Le Cri du peuple» № 50 от 20 апреля 1871 года.

нить версальским солдатам истинный характер происходящей войны, чтобы попытаться привлечь их на сторону Коммуны¹⁰⁶. Один читатель предлагает разбросать с воздушных шаров листовки, которые разъяснили бы солдатам версальской армии положение дел в Париже и «преимущества республиканского правительства перед монархическим, основанным на рекрутском наборе»¹⁰⁷.

Большое место занимает в письмах вопрос о борьбе с клерикализмом. Вот отрывок из характерного письма, адресованного Иринею Дотье 27 апреля в редакцию газеты «Пер Дюшен»: «Теперь тебе неизвестно, что все эти попы в маленьких коммунах Франции ведут борьбу не на жизнь, а на смерть против Парижской Коммуны из-за того самого декрета об отделении церкви от государства, который доставил тебе столько удовольствия... Если бы крестьянин разобрался, он не стал бы возмущаться республиканскими принципами и декретами Коммуны. Видишь, старина, что получается и что проделывают эти бритые макушки; они возбуждают крестьян против Парижа»¹⁰⁸.

Приведённые отрывки из письма затрагивают не только вопрос о контрреволюционной деятельности католического духовенства, но и вопрос о позиции крестьянства в отношении Коммуны, бывший для неё вопросом жизни или смерти.

«Революции 1848 г. и 1871 г. во Франции, — указывает И. В. Сталин, — погибли, главным образом, потому, что крестьянские резервы оказались на стороне буржуазии»¹⁰⁹.

О том, как храбро сражались коммунары на аванпостах и фортах под стенами Парижа, а затем на баррикадах в самом Париже, как стойко защищали бойцы Коммуны свою рабочую власть от озверелых банд версальской контрреволюции, рассказывают не только участники и друзья Коммуны. Это вынуждены были признать даже её злейшие враги. «Сама лондонская пресса, верная своей достойной миссии, сделавшая все для того, чтобы забрызгать грязью пролетариев Парижа, — писала Женни Маркс 18 апреля Кугельману, — должна в настоящее время признать, что никогда ещё люди не сражались во имя принципа более храбро и отважно»¹¹⁰.

«Лучше смерть, чем рабство!»¹¹¹, — писали бойцы 11-й роты 59-го батальона V округа в петиции к Коммуне от 10 мая. Этот девиз парижских коммунаров 1871 г. перекликается с девизом французских партизан 1940—1944 гг.: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!».

История двух месяцев вооружённой борьбы коммунаров Парижа против версальской контрреволюции полна геройских подвигов защитников революционной столицы. «Невозможно описать воодушевление Национальной гвардии, идущей в бой»¹¹², — писал член Коммуны Серрайн 12 апреля своей жене в Лондон. Письма с фронта, поступавшие в редакции революционных газет, описывают мужество и стойкость бойцов Коммуны. Капитан Люка, командир батареи у ворот Майо, бесстрашный защитник которой стало легендарным, писал в газету «Коммуна»: «Мы поддерживаем огонь на баррикаде моста в Нейи. ... Дети ведут себя, как взрослые люди. Эжен-Леон Ваксивьер, 13 с половиною лет от роду, продолжал обслуживать одно из аванпостных орудий, несмотря на полученные им ранения левой руки. Фонтен (Луи) 17 с половиною лет, Мюллер (Оскар) 17 лет и Жак (Анри) 18 лет от роду поддерживают

¹⁰⁶ «Le Vengeur» № 11 от 9 апреля 1871 года.

¹⁰⁷ Там же, № 54 от 22 мая 1871 года.

¹⁰⁸ «Письма рабкоров Парижской Коммуны», стр. 51—52.

¹⁰⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 6, стр. 363.

¹¹⁰ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 190.

¹¹¹ С. Даубап. Указ соч., стр. 171—172.

¹¹² «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 183.

огонь с редким мужеством. Гильмен (младший) был ранен взрывом снаряда, обслуживая одно из орудий, рядом со своим отцом. Не забудем также гражданина Эмиля Гуйона, гвардейца 237-го батальона, который вот уже четыре дня подряд находится при орудиях и не хочет оставить их, несмотря на полученную им рану. Среди нас царит полное единство, каждый воодушевляет и ободряет другого. Мы все готовы умереть за великое дело свободы.

Р. С. Морьяк Доранж отличается меткостью своей стрельбы, так же как и гвардеец Ленэ»¹¹³.

Дети не отставали от взрослых и подобно им совершали чудеса храбрости и героизма. 15 мая газеты Коммуны опубликовали следующий документ: «Командующий 6-м легионом отмечает в приказе братьев Эрнеста и Феликса Дюнан из 115-го батальона, мальчиков 14 и 17 лет. Оба мальчика проявили блестящую выдержку во время атаки парка Исси. Более часа они выдерживали огонь версальцев на расстоянии 100 метров, а затем вместе со своими товарищами по 1-й роте бросились в штыки и взяли баррикаду в Мулино; это было в понедельник 9 мая. Младший из братьев, Эрнест, пал, сражённый пулею в тот момент, когда он водружал знамя батальона на вершине баррикады. Феликс, бросившийся вперёд, чтобы отбить знамя и унести тело своего брата, пал, в свою очередь, сражённый перед баррикадой. Оба мальчика убиты. Безутешный отец не плачет, но берёт в руки ружьё, чтобы отомстить за своих сыновей...

Командующий 6-м легионом Комбатц»¹¹⁴.

Вот ещё один документ, свидетельствующий о пламенном патриотизме трудящихся Парижа в великие дни Коммуны. Документ этот — письмо национального гвардейца 177-го батальона Огюста Жулона «гражданскому делегату по военным делам» Делеклюзу от 16 мая. Оно гласило: «Гражданин! Извините меня за те несколько слов, с которыми я обращаюсь к вам, и не откажите исполнить мою просьбу. У меня три сына в рядах Национальной гвардии: старший в 197-м батальоне, второй в 126-м, третий в 97-м; сам я служу в 177-м. Но у меня есть ещё самый младший сын, которому скоро исполнится 16 лет; он всем сердцем рвётся служить в каком-нибудь батальоне, так как дал клятву мне и братьям поднять оружие на защиту нашей молодой Республики от версальских палачей. Мы условились между собой и дали друг другу клятву отомстить за того из нас, кто падёт под пулями врагов — братоубийц. Возьмите же, гражданин, последнего из моих сыновей; я от всего сердца отдаю его Республике и родине; сделайте с ним, что хотите, поместите его в один из батальонов по вашему выбору, и вы доставите мне этим великое счастье»¹¹⁵.

Одну из самых ярких страниц в истории пролетарской революции 1871 г. составляет массовое участие женщин в героической борьбе Коммуны.

Изумительный героизм трудящихся женщин Парижа, проявленный ими при защите Коммуны, засвидетельствован всеми современниками. В революционных газетах 1871 г. постоянно упоминаются имена женщин — сестёр милосердия, санитарок, маркитанток, бойцов, отличившихся своей храбростью под огнём неприятеля. В начале апреля 1871 г. одна из газет Коммуны писала: «Маркитантка 66-го батальона, гражданка Лашез — смелая и бесстрашная женщина. Она заслужила признание Парижа, и мы счастливы объявить ей об этом. Эта храбрая дочь народа три дня подряд неустанно сражается на шатильонской равнине, успевая в то же время подавать первую помощь тем, которые падают,

¹¹³ «La Commune» от 12—13 апреля 1871 года.

¹¹⁴ «Journal Officiel» от 15 мая 1871 года.

¹¹⁵ Там же от 17 мая 1871 года.

сражённые пулями версальских жандармов. Она одновременно и солдат и врач! Храбрая женщина! Кровь львицы течёт в её жилах»¹¹⁶.

Отсутствие единой пролетарской революционной партии помешало Коммуне в полной мере использовать революционный героизм пролетариев Парижа. Это было невозможно без создания регулярно действующего военного аппарата. Документы Коммуны (в том числе и протоколы её заседаний) показывают, как плохо работало её военное ведомство, какая неразбериха царила во многих её административных и военных органах, как пагубно отражался на обороне Парижа параллелизм в работе военной комиссии Коммуны и Центрального комитета Национальной гвардии.

21 мая вооружённая до зубов более чем стотысячная армия версальцев ворвалась в Париж через брешь, пробитую в его стенах артиллерийским обстрелом (на неё указал войскам один из многочисленных шпионов Тьера). Но ещё целая неделя потребовалась версальцам для того, чтобы сломить сопротивление коммунаров.

По призыву Коммуны всё трудовое население Парижа поднялось на его защиту. Сотни баррикад покрыли улицы и площади города. Работа шла днём и ночью. Наряду с мужчинами в ней принимали участие женщины и дети.

До последней капли крови, с боем отстаивая каждую позицию, сражались геройские защитники Коммуны.

Однако отсутствие единой пролетарской революционной партии сказалось в эти дни особенно пагубно. Крайне вредную роль сыграла прокламация Делеклюза от 21 мая, которая отрицала всякое значение централизованного военного руководства и была проникнута преклонением перед стихийной баррикадной борьбой.

И всё же версальцы с трудом продвигались вперёд.

Рядом с подростками и юношами, зрелыми людьми дрались и умирали за Коммуну старики, ветераны рабочего движения. Вот что рассказывает об одном из них Аллеман: «Мне сообщили, что версальцы продвигаются по улице Ульм. Я бросился туда с четырьмя или пятью ветеранами, готовыми сражаться до конца. Среди этих стариков-активистов был наборщик, гражданин Фор, хорошо известный в типографиях под кличкой «Навэ».... Он сражался с Барбесом (в мае 1839 года.— А. М.), сражался в июне 1848 г. и в декабре 1851 г. и решил, что его час пробил. Версальцы выставили два орудия и стреляли в упор по баррикаде. Мы старались целить в артиллерийскую прислугу. Стреляя, Фор сказал мне, что дальше он не пойдёт... «Если ты спасёшься от смерти, молодой друг, не забудь сказать товарищам, которые станут с тобой говорить о Навэ, что он умер, сражаясь, как старый революционер». Он говорил это улыбаясь, добрый, старый рабочий!» Прошло несколько минут, и артиллерийский снаряд разорвал на куски тело ветерана революционной борьбы¹¹⁷.

Даже главнокомандующий версальской армией маршал Мак-Магон, ярый враг демократии и социализма, вынужден был заявить на заседании следственной комиссии Национального собрания: «Повстанцы были чрезвычайно возбуждены. Некоторые из них сражались с невероятной энергией. Были такие, которые с красным знаменем в руках умирали на баррикадах. Казалось, что они считали своим священным долгом бороться за независимость Парижа»¹¹⁸.

По свидетельству Луизы Мишель, 10 тыс. женщин сражались в майские дни 1871 г. на баррикадах Коммуны¹¹⁹. В некоторых, впрочем, лишь немногих, пунктах сопротивление коммунаров носило весьма организован-

¹¹⁶ «Le Cri du peuple» от 8 апреля 1871 года.

¹¹⁷ См. J. Allemane. Указ. соч., стр. 124.

¹¹⁸ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871. Т. II, р. 25. Paris. 1872.

¹¹⁹ См. Л. Мишель. Указ. соч., стр. 141.

ный характер и затянулось на довольно длительный период. Примером такой успешной баррикадной борьбы могут служить действия отряда национальных гвардейцев на площади Согласия, находившегося под начальством члена Коммуны полковника Брюнеля. 22 мая, забаррикадивав все входы на площади с северо-запада, Брюнель возвёл на ней три сильных редута, обеспечив таким образом свои фланги. Эту укреплённую позицию Брюнель с несколькими сотнями смельчаков и 12 пушками оборонял целых 50 часов, стражая яростные атаки почти двух дивизий, поддержанных фланкирующим огнём 60 орудий, которые громили его редуты.

С большим искусством и упорством в течение двух дней отбивали натиск версальцев батальоны коммунаров, действовавшие на левом берегу Сены в квартале Обсерватории под руководством одного из виднейших деятелей Коммуны — рабочего Варлена.

Самым выдающимся эпизодом вооружённой борьбы защитников Коммуны в эти последние дни её существования было упорное сопротивление, оказанное 24—25 мая войсками генерала Врублевского, который с отрядом в 3 с половиною тысячи человек в течение 36 часов выдерживал натиск почти всего 2-го корпуса версальской армии.

28 мая пали последние баррикады Коммуны... Буржуазная контрреволюция торжествовала кровавую победу над ненавистными ей блузниками. Никогда ещё за всю историю гражданских войн во Франции победители не расправлялись так жестоко с побеждёнными, не совершали таких чудовищных злодеяний. Около 30 тыс. лучших сынов и дочерей парижского народа были замучены и расстреляны без суда. В общем же, если считать и расстрелянных, и заключённых в тюрьмах, и отправленных в ссылку, и изгнанных из Франции, и вынужденных эмигрировать, рабочий и демократический Париж потерял свыше 100 тыс. человек.

Одна из последних схваток произошла на кладбище Пер-Лашез: в течение двух часов здесь кипел ожесточённый бой. Из 200 коммунаров, укрепившихся на Пер-Лашез, большинство погибло в бою, остальные были взяты в плен и все до одного расстреляны у стены кладбища.

Даже злейшие враги Коммуны вынуждены были признать, что пленные коммунары высоко держали голову и спокойно смотрели в глаза смерти, умирали с пением «Марсельезы», с возгласами: «Да здравствует Коммуна! Да здравствует Социальная Республика!».

Смело и бесстрашно держались коммунары и на скамьях военных судов. Вот отрывок из выступления Ферре: «Член Парижской Коммуны, я нахожусь в руках её победителей. Они хотят моей головы — пусть берут её. Никогда я не стану спасать свою жизнь подлостью! Свободным я жил, свободным и умру. Прибавлю только одно: судьба капризна, завещаю будущему заботу о моей памяти и о мести за меня»¹²⁰. «Я был послан в Коммуну моими согражданами, — заявил член Коммуны рабочий Тренке. — Я жертвовал своей жизнью, я был на баррикадах... Я инсургент и не стану этого отрицать»¹²¹. «Я не буду скрывать того, что есть, — говорил рабочий Жантон, участник июньского восстания 1848 г., член Интернационала, бывший во время Коммуны следователем по политическим делам, — я скажу, что при Империи я боролся за республику, а при буржуазной республике буду бороться за республику социальную... Делайте теперь, что хотите». Он спокойно выслушал смертный приговор. «Моя судьба была ясна заранее»¹²², — заметил он по этому поводу. «Мне говорят, — с гордостью заявила на суде Луиза Мишель, — что я участница Коммуны. Да, конечно, это так. Ведь Коммуна стремилась, прежде всего, к социальной революции, а социальная революция — это самая дорогая для меня цель.

¹²⁰ G. da Costa. La Commune vécue. Т. II, p. 60.

¹²¹ Э. Лиссагарэ. История Коммуны 1871, стр. 336. Спб. (Б. г.).

¹²² «Gazette des tribunaux» от 18, 22—23 января 1872 года.

Я горжусь тем, что была одним из её глашатаев... От вас, которые именуют себя военным судом и выдают себя за моих судей, я требую одного — смерти в Сатори, где уже пали мои братья... Так как всякое бьющееся за свободу сердце имеет только одно право, право на маленький кусочек свинца, то я требую своей доли... Если вы не трусы, убейте меня»¹²³.

Стойко держали себя коммунары и в далёких колониях, где они годами томилась в кошмарных условиях. Смерть косила ряды ссыльных. Но они не сдавались. Каждый год 18 марта отмечали они собраниями и речами годовщину Коммуны. Умерших товарищей хоронили с возгласом «Да здравствует Коммуна!»

Славные боевые традиции парижских коммунаров живы до сих пор среди французских рабочих, которые каждый год отмечают день 18 марта как одну из самых знаменательных дат своей истории, а в конце мая совершают массовое шествие на кладбище Пер-Лашез и украшают свежими венками Стену федератов, где были расстреляны последние бойцы пролетарской революции 1871 года.

Изучение опыта Коммуны, её уроков и ошибок сыграло крупную роль в развитии международного рабочего движения. Тщательно изучали этот опыт — как в период первой русской революции, так и в период Великой Октябрьской социалистической революции и после победы советской власти в нашей стране — гениальные вожди большевистской партии В. И. Ленин и И. В. Сталин. «Мы стоим на плечах Парижской Коммуны»¹²⁴, — писал в 1918 г. В. И. Ленин.

Причины поражения Парижской Коммуны выяснены с исчерпывающей полнотой в трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Коммуна не получила поддержки со стороны крестьянства; она совершила серьёзные ошибки как в области военной тактики, так и в области экономической политики; она слишком мягко относилась к врагам; при отсутствии партии пролетариата она не могла полностью использовать политическую инициативу и революционную активность трудящихся масс.

Факты и документы, приведённые в данном очерке, служат яркой иллюстрацией к известному положению марксистско-ленинской теории о том, что даже самая большая политическая активность масс без надлежащего руководства со стороны единой пролетарской революционной партии не может обеспечить победу пролетарской революции. Без сильной пролетарской партии, которая могла бы спаять воедино многообразные общественные организации, существовавшие в Париже в период Коммуны, устроить разную в их программах и действиях, эти организации представляли собой пёстрый конгломерат, действовавший не всегда так, как следовало. В этом заключалась слабая сторона деятельности этих организаций.

Основная слабость революции 1871 г. заключалась в том, что, как подчёркивает И. В. Сталин, во главе её стояли «две партии, из коих ни одна не может быть названа коммунистической партией»¹²⁵. Вследствие этого Коммуна 1871 г., будучи диктатурой пролетариата, представляла, по словам И. В. Сталина, «диктатуру не полную и не прочную»¹²⁶. «Для победоносной социальной революции, — указывает В. И. Ленин, — нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 г. оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремес-

¹²³ Там же, от 18 декабря 1871 года.

¹²⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 109.

¹²⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 6, стр. 383.

¹²⁶ И. В. Сталин. Соч. Т. 8, стр. 47.

ленников, крестьян, лавочников и пр.). С другой стороны, не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления»¹²⁷. Подавляющее большинство парижского пролетариата 1871 г. состояло из рабочих, занятых в мелких мастерских; только небольшое меньшинство его (примерно одна восьмая) работало на предприятиях крупной промышленности. Этим объясняется живучесть среди трудящихся Парижа прудонистских, мелкобуржуазных идей, сыгравших крайне отрицательную роль в жизни и деятельности Коммуны. В силу всех этих исторических причин Парижская Коммуна 1871 г. потерпела поражение. Но дело пролетариата не могло погибнуть. Дальнейший ход развития капитализма неизбежно приводил к дальнейшему развитию пролетариата и его борьбы. «И именно потому, что пролетариат развивался, как класс, марксисты ориентировались на пролетариат, — указывает товарищ Сталин. — И они не ошиблись, ибо, как известно, пролетариат вырос потом из незначительной силы в первостепенную историческую и политическую силу»¹²⁸. Дело Коммуны восторжествовало в нашей стране. Оно победит во всём мире.

¹²⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 113.

¹²⁸ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 105.